

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. ГРЕБЕНЬ ВОЛНЫ

ПРЕЛЮДИЯ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Драконоборец	28
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	67
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Гребень волны I	79
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	137
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Гребень волны II	151
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	194
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Гребень волны III	205
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	264
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. Скучная работа	277
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	354

КНИГА ВТОРАЯ. ГНЕЗДО ФЕНИКСА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Отряд амазонок	365
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	401
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Гнездо феникса I	410
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	465
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Гнездо феникса II	474
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	528
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Гнездо феникса III	541
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЗЕМЛЯ	591
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. Гнездо феникса IV	600
КОДА	658

**КНИГА ПЕРВАЯ
ГРЕБЕНЬ ВОЛНЫ**

ПРЕЛЮДИЯ

По долине метался ледяной ветер, шурша сухими стеблями красной травы, толкаясь в глухие, намертво вросшие в грунт скалы, ныряя за шиворот и мелкими коготками цепляя кожу. Кратов поежился и потуже стянул меховую накидку на шее. Дело было, в общем-то, не в ветре. Ему здесь не нравилось, и было странно, что тектон избрал для встречи такую унылую местность. Но человеку ли судить о пристрастиях тектонов?.. Низко ползли синие тучи, едва не задевая за шершавые лысины сопки. «Дождя нам недостает для завершенности картины, — мрачно подумал Кратов. — У нас на Земле из таких туч давно бы уже хлестало вовсю. Чего как раз и недостает для полного гнетущего эффекта. Но это никакая не Земля. Это Сфазис. И хорошо было бы знать, чего ради тектону понадобился этот самый эффект!»

Он вдруг поймал себя на том, что воспринимает все окружающее как роскошную декорацию грядущего действия, не более.

Так оно, конечно, и было. Любой ландшафт на Сфазисе всегда оставался декорацией. Грандиозной либо скромной, в зависимости от прихоти и фантазии создателя. Но декорацией неотличимой от оригинала и даже порой превосходящей его по натуральности. Никаких ограничений со стороны матушки-природы! Хочешь — оборудуй себе огнедышащую пустыню, где самая убогая тень кажется недостижимой мечтой. Хочешь — благоустройвайся в бездонном газовом бассейне и пари себе в тугих волнах эфира бесплотным облачком. Разве плохо?.. У милой женщины Ручки Скайдре из земной миссии с фантазией неважно: она пожелала насадить и насадила тривиальные райские кущи. Пожалуйста, не возбраняется.

Ну, а тектоны, как обнаружилось, всему предпочитают предгрозовое ущелье, на каменных проплешинах которого кустится утлая поросль, похожая на собранные в снопики суставчатые паучьи лапы. И на здоровье.

Многоликий Сфазис — без единого своего лица.

Декорация хоть куда. А что тут предполагалось за действо, было пока неясно.

«Хорошо, пусть. Если вы действительно желали вывести меня из равновесия — считайте, что своего достигли. Я и вправду предпочел бы любую пустыню, да и океан газа меня бы не ошеломил. Чего-то подобного я ожидал. Но только не серости, холода и пустоты...»

Щурясь от режущих порывов ветра, он всмотрелся в даль. У самой кромки горизонта отчетливо вырисовывалась мощная горная гряда в снежных папах. Глазам хотелось верить. Вне всякого сомнения, это были вполне реальные горы, с подлинными лавинами и камнепадами, и упругий ветер, что наотмашь бил по лицу, слетал именно с их вершин.

«Отдаю вам должное, — подумал Кратов уже спокойнее. — Это искусство, а вы — великие мастера. И, как во всяком произведении искусства, в этом нарочито хмуром пейзаже есть смысл, мне пока недоступный. Не удивлюсь, впрочем, если никакого сокровенного смысла нет и в помине, а есть лишь каприз художника. Щедрой кистью брошенные на холст мазки, единственное назначение которых — отразить состояние души. Целая планета — холст, а ветер, тучи, снег на горных вершинах, да и сами горные вершины в их великолепном мрачном безмолвии — краски. Почему, собственно, у тектона не может быть пасмурно на душе? Надеюсь, что не я тому виной...»

Мы так не умеем. Мы большей частью завидуем. Я так иной раз места себе не нахожу от зависти. Завидовать — наш удел. А еще восхищаться и по мере способностей пользоваться плодами чужих трудов. И заодно подражать и учиться. Но, слава богу, наша

собственная крохотная планетка в пушистом ореоле атмосферы пока не утратила своего неповторимого облика. Неповторимого даже в масштабах Галактики, где все неизбежно повторяется. Как бы ни измывались над нею целые поколения любящих и потому особенно бессердечных сыновей, как бы ни старались обратить ее в безликий белый холст для нанесения новых красок, а правильнее сказать — бездарной, аляповатой мазни полусумасшедшего авангардиста. У нас на Земле... Ну, будет! — Кратов конфузливо хмыкнул. — Заладил: у нас да у нас! Тоже, нашел чем кичиться... Не хватало еще, чтобы тектон уловил мою мысленную сумятицу».

А тектон это может. Он может все. Все — по человеческим меркам, и, вероятно, не так уж много — по своим, тектоновским. Гасить звезды и зажигать звезды. Лепить из газопылевых облаков колоссальные планеты с переменной гравитацией вроде Сфазиса. Видеть происходящее или чувствовать — или, черт его знает, обонять! — за десятки парсеков. Отчего бы ему не прочесть мысли маленького несовершенного существа с маленькой несовершенной Земли, которое стоит под набухшими грозой тучами и кукожится от осатанелого ветра? Да к тому же и постыдно трусит отойти от Чуда-Юда-Рыбы-Кит, друга и телохранителя, а заодно и корабля-биотехна, что перебросил его в это гиблое место прямо из ласковых райских кущей под вечно теплым солнцем земной миссии...

«Трусишь, трусишь, — допекал себя Кратов. — Виду, понятно, не подаешь, но поджилки играют. Потому что здесь ты совсем один, и никто тебя не подержит в трудную минуту незлым словом да неглупым советом. И даже верный, бесстрашный Чудо-Юдо подавленно приумолк — не по себе ему, значит. А тебе еще нужно стронуться с места и вступить под своды этой не слишком-то гостеприимной на вид пещеры, сохраняя хотя бы намек на собственное достоинство. Но не оттого ты трусишь, что остался один — тебе это не в новинку

ку. Не раз и не два ты оказывался в полном одиночестве под чужим небом, в неизвестности и безысходности. И всегда находил в себе достаточно сил, чтобы не терять лица. А причина того, что сейчас, в абсолютной безопасности, ты позорно дрейфишь, совсем иная. Никогда еще в своей жизни ты не взбирался так высоко по ступеням ответственности... В пещере тебя встретит тектон. И даже то обстоятельство, что зовут его Горный Гребень, и, если судить по двойному имени, он из младших тектонов, решимости тебе, увы, не прибавляет».

А ведь он ждал этого! Знал, что неминуемо настанет момент и кто-либо из тектонов захочет встречи с ним. С того дня, когда Кратов впервые ощутил на себе деликатное, ненавязчивое внимание тектонов, для него стало предельно очевидно, что вскоре они сойдутся лицом к лицу. Или что там у них вместо лица. А может быть, лицом к безликости, если они окажутся похожими на созданный ими Сфазис.

И все же тектон Горный Гребень застиг его врасплох.

* * *

Ранним утром, которое наступило в полном соответствии с программой биологических циклов, что составила милая женщина Ручка Скайдре, в окно постучали.

— Сплю, — пробормотал Кратов, но все же приоткрыл один глаз.

— И напрасно, — сказал Григорий Матвеевич Энграф. — Так вы проспите судьбу.

Он спокойно ждал, пока Кратов вылезет из-под теплого покрывала и растворит окно. Просторные белые брючины Григория Матвеевича были по колено влажны от предусмотренных Ручкиным сценарием рассветных рос. На худом коричневом лице застыло терпеливо-сосредоточенное выражение.

— Костя, — промолвил Энграф значительным голо-
сом. — Вас хочет видеть тектон.

Холодная волна прокатилась по телу с головы до пят
и хлынула обратно. Сна как не бывало.

— Он здесь? — спросил Кратов растерянно.

Григорий Матвеевич скорчил ядовитую гримасу.

— Я вам поражаюсь, коллега, — сказал он. — Явись
тектон в нашу миссию, поднялся бы грандиознейший пе-
реполох из всех, какие только возможны. И вы отлично
знаете, что пиетет здесь ни при чем, а все дело в специ-
фических эффектах, коими сопровождается само при-
сутствие тектона. Да что я вам объясняю? Вас хочет
видеть тектон по имени Горный Гребень. Красиво, не
правда ли? В духе восточной поэзии, которую вы столь
цените... Но не канительтесь так, будто свидания с тек-
тонами на воскресных пикниках для вас обычное дело.

— Да, я уже почти готов...

«Ни черта я не готов, — с досадой подумал Кратов,
рыща по спальне. — Как к такому вообще можно быть
готовым?!»

— Ну-ну, — сказал Энграф, небрежно облокотив-
шись о подоконник. — Не следует, однако же, впадать
в шок. Поменьше суеты, побольше достоинства. Не пу-
тать последнее с отчаянной наглостью... Тектон жаждет
встречи с вами в течение этого дня. Посредник передал
также, что в случае вашей занятости тектон готов пере-
нести встречу на любое удобное для вас время. Удобное
для вас, Костя, а не для тектона, заметьте. Как он вы-
разился: отложить на любой отличный от бесконечности
срок. Как вы полагаете, достанет вам бесконечности,
чтобы привести себя в подобающий вид?

— Надеюсь... Иное дело, хватит ли терпения!

— Это извинительно. Тектон просил сообщить при-
емлемые для вас условия встречи. Приемлемые опять-
таки для вас, Костя.

— А кто посредник? — зачем-то спросил Кратов, на-
тягивая свитер.

— Шервушарвал, дшуббанский семигуманоид. Вы его не знаете.

— Сообщите мне его код...

— Не стоит хлопот, я сам с ним свяжусь.

— Спасибо, Григорий Матвеевич. Передайте, пожалуйста, коллеге Шервушарвалу... В общем, я буду готов к встрече в течение следующего малого сфазианского интервала. На условиях тектона. Только пусть там будет чем дышать.

Григорий Матвеевич изобразил на лице довольную улыбку.

— Вы поступаете правильно, Костя, — сказал он. — А это означает, что первый шок благополучно миновал, теперь пережить бы второй... Немедленно и на их условиях. Тектоны оценят этот знак уважения. Но оденьтесь потеплее — тектоны, насколько известно земной ксенологии, любят холод. И учитите такой фактор, как «дыхание тектона». Я знаю, что вы человек в высшей степени подготовленный, но мало ли что...

Энграф помолчал, внимательно разглядывая Кратова выпуклыми черными глазами.

— Костя, — сказал он строго. — Надо вам знать следующее. Последний ксенолог, видевший тектона вживе, давно умер. О контактах с ними сохранились одни лишь легенды да скудные свидетельства в Глобальном инфобанке. Разумеется, самый сопливый юнец из юнцов, едва вызнавший где-нибудь само слово «тектон», имеет полное право требовать и получить аудиенцию у самого старшего тектона из тектонов с двенадцати членным именем. Но уважение к их мудрости и традиционная скромность рода людского всегда останавливали даже самых отпетых ксенологов, вроде меня. Посему будьте внимательны. Это контакт, а вы — ксенолог. Не забывайте об этом. Факты, факты и факты.

Григорий Матвеевич коротко кивнул и удалился, в задумчивости загребая растопыренными ладонями упругую волглую траву.

— Тектоны любят холод, — бормотал Кратов, вертясь в жгуче ледяных струях душа. — Тектоны любят дышать «дыханием тектона». Что они еще там любят, дай же бог памяти?.. Конечно, я в панике, я в шоке, а вы как думали?!

Спустя несколько минут он выскочил на крыльцо, волоча под мышкой наитеплейшую накидку, какая только обнаружилась в доме.

— Кит, дружок, ты мне нужен!

В соседнем пряничном домике медленно растворилось окошко, и в нем явилась пленительная Ручочка Скайдре — золотой загар, пшеничные волосы по плечам, жемчужные зубы, хризолитовые очи... Даже за пятьдесят шагов, через всю поляну, Кратову передалось сонное тепло ее тела.

— Костик, — нежно произнесла Ручочка и потянулась так, что у него пресеклось дыхание. — Опять ты куда-то сорвался и позабыл позавтракать. Я тебе этого... — Ручочка снова упоительно потянулась, — не прощу-у-у...

Но верный друг Чудо-Юдо-Рыба-Кит уже планировал точно в геометрический центр поляны, и солнце резвилось на росяных бусинках в его шерсти, а люк в его боку зазывно зиял. Мавка, дремавшая подле Ручочкиного крыльца, и ухом не повела, а Полкан поднял голову с ее загривка, сонно заворчал на Кита и с отвращением гамкнул пролетающую мимо стерильную муху. Загорелся, запищал, заколол в запястье браслет на левой руке.

— Да, Григорий Матвеевич, — сказал Кратов.

— Шервушарвал просил сообщить вам, Костя, что тектон Горный Гребень ждет вас в своей резиденции в течение всего большого сфазианского интервала. И что там сегодня будет земной воздух и земной ландшафт — как его воображают тектоны, что само по себе чрезвычайно любопытно...